

«НЕООСМАНИЗМ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Э.Т. Мехдиев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Статья посвящена внешней политике Турции на современном этапе. В последнее время в отношении турецкой внешнеполитической деятельности все чаще используется термин «неоосманизм». Концепция неоосманизма, идеологом которой является премьер-министр А. Давутоглу, подразумевает под собой связь внешней политики современной Турции с историческим наследием османов и её направленность на возврат «оттоманского прошлого» с учетом современных реалий. Автор рассматривает этот феномен в контексте региональной политики Турции в обозначенный период. Основными направлениями стратегии неоосманизма являются Ближний Восток, Северная Африка, Центральная Азия, Кавказ, Крым и Балканы. Особое внимание автор уделяет проявлениям неоосманизма в постсоветском регионе и на Ближнем Востоке, а также «мягкой силе» в турецкой стратегии неоосманизма. Деятельность Анкары в регионах, входящих в сферу ее геополитических интересов, осуществляется на политическом, экономическом, религиозном и культурно-образовательном уровнях. Сближение с политическими и деловыми кругами стран региона влияния направлено на формирование протурецкого лобби. «Арабская весна» предоставила Турции исторический шанс реализовать свои неоосманские амбиции и сформировать новый порядок на Ближнем Востоке. Сближение Турции с исламским миром во время «арабской весны» продемонстрировало, что Анкара, поддерживая совместно с западными странами протестные и оппозиционные движения в Египте, Ливии и Тунисе, преследует цель продемонстрировать Западу рост своего влияния в регионе. Посредничество в региональных конфликтах используется турецким руководством как инструмент «мягкой силы», с помощью которого Анкара стремится повысить свой международный и региональный авторитет. Результатом «неоосманской» политики Турции в отношениях с Россией стал серьезнейший кризис во всех сферах сотрудничества. Стратегические просчеты, допущенные главой республики Р. Эрдоганом в урегулировании сирийского кризиса, могут привести к нестабильности всего региона. Автор рассматривает возможные направления неоосманской политики Турции в исследуемых регионах в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Турция, «неоосманизм», региональная политика, «мягкая сила», президент Турции, пантюркизм, «сирийский кризис».

После распада СССР Турецкая Республика стремилась заполнить вакуум, образовавшийся на российских южных границах. Анкара не только активно устанавливала разносторонние отношения с новыми независимыми государствами – Азербайджаном и Центральной Азией, но и поддерживала сепаратистские движения в границах России. В Турции проходили подготовку «добровольцы» из арабских государств, направлявшиеся через Азербайджан в Чечню [4]. Не забывали турки и о крымских татарах [3].

Ослабление России, а также культурная близость с тюркскими народами дали основание Анкаре объявить себя опекуном и «старшим братом» для тюркских государств. В 1992 г. президент Турции Т. Озал выдвинул тезис – «Тюркский мир станет доминирующим фактором на евразийском пространстве от Балкан до Китайской стены», провозгласив XXI столетие «веком турок» [2]. Тогда же премьер-министр Сулейман Демирель рассуждал о турецком мире от Адриатики до Великой китайской стены и о Турции как «культурном центре и историческом магните для новосозданных государств» [6, с. 16].

Официально о новой внешнеполитической стратегии Турецкой Республики было заявлено в турецком парламенте 30 июля 1993 г. при объявлении программы 50-го турецкого правительства: «Появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е годы государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе. Связанная с тюркскими республиками близкими отношениями, она имеет перед ними особые обязанности и обязательства в процессе их открытия миру и интеграции в мировое сообщество» [13, с. 157].

После прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития эта стратегия получила дальнейшее развитие. Ее идеологом считается премьер-министр Ахмет Давутоглу (по происхождению крымский татарин). Занимавший ранее пост министра иностранных дел, А. Давутоглу говорил о несбалансированности внешней политики, ее «западном» крене и необходимости уделять значительно больше внимание интересам страны в других частях света и регионах, в особенности на Ближнем Востоке. Активно участвуя в политической жизни страны, А. Давутоглу в своих многочисленных публикациях призывал к активизации пантюркизма. Большую известность получила его работа «Стратегическая глубина», в которой он разработал концепцию, подразумевающую утверждение роли Турции как «центрального государства», регионального лидера и ее превращение во влиятельного игрока на международной арене благодаря историческо-

му наследию и стратегическому географическому положению, а также экономической и культурной привлекательности страны [15, р. 678]. Широкую известность получил и предложенный им принцип «ноль проблем с соседями», который впоследствии лег в основу внешнеполитической доктрины. «Ноль проблем с соседями» подразумевает необходимость нормализации и укрепления отношений с близлежащими государствами, в том числе с «проблемными» Грецией и Арменией. В контексте высказанных А. Давутоглу идей в экспертном сообществе возродился термин «неоосманизм»¹, определяющий современную внешнеполитическую доктрину страны.

Концепция неоосманизма подразумевает под собой связь внешней политики современной Турции с историческим наследием османов. «Неоосманизм» — это стратегический курс, направленный на возврат «оттоманского прошлого» с учетом современных реалий. В его основе – четыре принципа: крови, османского мышления, почвы и языка. Принцип крови означает ориентацию, прежде всего, на тюркские народы. Принцип почвы связывает концепцию с османским прошлым, которое пропагандируют новые лидеры Турции (в отличие от Ататюрка, старавшегося, наоборот, разорвать связь с ним). Данные принципы в свою очередь являются идеологической базой для формирования нового османского мышления и развития надтурецкой идентичности за счет применения методов гуманитарного и экономического воздействия, благодаря чему турки должны (как считает турецкое руководство) стать наднациональными лидерами [1, с. 78].

По мнению экспертов, в новой «неоосманской» стратегии Турции можно выделить несколько принципиальных позиций:

1) Турция больше не считает себя периферией и «младшим партнером» США и НАТО. Она называет себя центром Евразии и претендует на главную роль в системе региональной безопасности, что выражается в посреднических инициативах Турции;

2) турецкое руководство, отвергая обвинения в исламизации внешней политики, настаивает на диалоге с Западом и Россией;

3) турецкие официальные лица утверждают, что неоосманизм не содержит признаков агрессивности или воинственности, а некоторые шаги, в которых на первый взгляд такие признаки есть, представляют собой отстаивание суверенным государством собственных законных интересов. Например, закрытие сухопутной границы с Арменией (в то же время прямое воздушное сообщение между Стамбулом и Ереваном действует с 1996 г.), поддержка боснийских мусульман, признание Косова [10].

¹ Журналист и аналитик Д. Барчард назвал «неоосманизмом» тенденцию к возрождению интереса и уважительного отношения к османскому наследию в 1980-х гг. в период правления Т. Озала. Затем, в эпоху правления Н. Эрбакана (1996-1997 гг.), термин был реанимирован С. Константинодисом, в интерпретации которого неоосманизм - это «внешняя политика, основанная на имперских традициях».

■ Турция в мировой политике и экономике

Основными направлениями стратегии неосманства являются Ближний Восток, Северная Африка, Центральная Азия, Кавказ, Крым и Балканы.

Постсоветское пространство в реализации стратегии «неосманства»

Возникновение новых независимых государств в результате распада СССР было использовано Анкарой для расширения своего влияния в Центральной Азии и на Кавказе. Политическое и экономическое устройство Турции предлагалось в качестве модели для новообразованных тюркских республик. Распространение так называемой «турецкой модели», сочетающей в себе «ислам, демократию, права человека и рыночную экономику», поддерживалось Западом, а налаживание связей с постсоветскими тюркскими государствами должно было подчеркнуть в его глазах стратегическую важность Турции как «двери» в Евразию [14, р. 264-266].

Демонстрируя готовность стать лидером региона и осуществлять значительные инвестиции в его развитие, Турция на долгие годы стала одним из ключевых торгово-экономических партнеров постсоветских тюркских республик. Торгово-экономическое взаимодействие осуществлялось на основании двусторонних соглашений о торговле, устранении двойного налогообложения, взаимном поощрении и защите инвестиций, установлении прямого воздушного сообщения.

Для реализации соглашений в экономической сфере, оказания финансовой помощи тюркским странам и народам, а также укрепления отношений с ними в сфере торговли, образования, культуры в 1992 г. было создано Турецкое (Тюркское) агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА, ТИКА). Офисы ТИКА были открыты на территории Молдавии, Таджикистана, Грузии, Узбекистана, Азербайджана, Украины.

На Кавказе Турция активно участвует в международных инфраструктурных проектах: строительство железных и автомобильных дорог, переоборудование каспийских и черноморских портов, создание трубопроводов для транспортировки нефтегазовых ресурсов региона вне российских транспортных систем. Ярким примером сотрудничества со странами региона служат проекты «Баку – Тбилиси – Джейхан», «Баку – Тбилиси – Эрзурум», TANAP, которые к тому же положительно влияют на имидж Турции в мире, способствуют ее превращению в ключевого игрока системы обеспечения энергобезопасности Европы и открывают новые возможности для турецкой экономики [7].

В 2009 г. по инициативе Турецкой Республики был создан Совет сотрудничества тюркоязычных стран (ССТС), в который вошли Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, при этом к работе Совета активно привлекаются Туркменистан и Узбекистан. В компетенцию ССТС входят вопросы экономики, энергетики, культуры и образования.

В 2012 г. на саммите ССТС в Киргизии было подписано Соглашение по финансовым правилам Совета сотрудничества тюркоязычных стран, Соглашение об образовании Тюркской Академии ССТС, Соглашение по созданию Фонда поддержки тюркской культуры и тюркского наследия ССТС. В области культуры и образования Советом учреждена премия «Гордость тюркского мира».

Главным геополитическим достижением ССТС в транспортной сфере является заключение соглашений между министерствами транспорта и таможенными органами при подготовке и пуске в эксплуатацию железнодорожной магистрали из Турции в Грузию и Азербайджан к Каспийскому морю в Казахстан и Китай.

В 2014 г. на IV саммите ССТС в турецком Бодруме обсуждались вопросы энергетического сотрудничества, в частности, возможность транспортировки каспийских углеводородов в Европу. По результатам саммита была подписана декларация «Тюркский совет – современный Шёлковый путь», что представляет собой один из этапов реализации проекта «Шёлковый путь», запущенного в 2008 г. Министерством промышленности и торговли Турции и ставящего своей целью обеспечение связи между европейскими и азиатскими рынками. В проекте также участвуют Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Несмотря на усилия Турции по развитию экономического сотрудничества с Центральной Азией, его нельзя сравнить по значимости с экономическим влиянием Китая, США, ЕС и России в регионе.

Отношения Турции с Казахстаном можно оценить как наиболее продвинутые, по сравнению с другими постсоветскими республиками в Центральной Азии. В сотрудничестве с ним Турция рассчитывает сформировать единое политико-экономическое пространство для всех тюркских государств, предусматривающее общий рынок, единую энергосистему и систему транспортировки энергоресурсов.

Деятельность Анкары в Центральной Азии не затрагивает крупномасштабных проектов, но включает в себя коммерческие, культурные и образовательные программы. Турецкая «мягкая сила» опирается на формально негосударственные, но активно поддерживаемые турецким правительством структуры.

Так, в Центральной Азии действуют созданные по предложению Н. Назарбаева Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет старейшин, Всемирная ассамблея тюркских народов, которые занимаются изучением общих исторических корней тюркской культуры.

Основанная в 1993 г. в Алма-Ате Международная организация тюркской культуры (TURKSOY, ТЮРКСОЙ), цель которой – укрепление братства и дружбы между тюркскими народами, распространение тюркской культуры и ее сохранение для будущих поколений, все же

не ограничивает свою деятельность культурной сферой. Она занимается также вопросами политических и торгово-экономических отношений между тюркоязычными странами Центральной Азии.

На официальном уровне деятельность ТЮРКСОЙ и других турецких организаций оценивается в целом положительно, тем не менее у многих местных правозащитных организаций проникновение Турции не только в культурную и экономическую, но и в идеологическую сферу жизни Центральной Азии вызывает тревогу, поскольку ассоциируется с угрозой распространения смешанных с исламом идей пантюркизма, идущих вразрез с устоявшейся светской парадигмой.

Помимо торгово-экономического и культурного взаимодействия, Анкара стремится и к военно-политическому сотрудничеству с центральноазиатскими государствами. В 2013 г. в Баку по инициативе Турции была учреждена Евразийская ассоциация правоохранительных органов с военным статусом (ТАКМ), целью которой является совместное противодействие организованной преступности, террористической и контрабандной деятельности, активности радикальных групп [9].

В контексте обострения геополитического противостояния с Россией, вызванного событиями в Сирии, экономический фактор во внешней политике Турции на постсоветском пространстве отходит на второй план, в ней начинает проследиваться стремление сыграть на политических противоречиях России с бывшими советскими республиками. Так, по словам А. Давутоглу, Россия нарушила территориальную целостность Грузии и Украины. Также из-за Армении, которой помогает Россия, под угрозой территориальная целостность Азербайджана [11].

Турция, не признавая воссоединение Крыма с Россией, продолжает считать его частью Украины, что, однако, не мешало ей расширять экономическое сотрудничество с уже российским Крымом: осуществлялись поставки продовольствия, велась работа с крымско-татарской общиной, функционировали турецкие компании и организации. Введение Россией антитурецких санкций привело к фактической утрате Анкарой своего влияния на полуострове, поэтому в ближайшей перспективе действия Турции будут направлены на возвращение в международную повестку дня вопроса «деокупации» Крыма и поддержку, как финансовую, так и политическую, крымских татар.

Распространение влияния на Грузию рассматривается турецким руководством как одна из важных задач. Помимо вышеупомянутого экономического фактора, Анкара использует и политические методы, в частности поддерживает интеграцию Грузии в евроатлантические структуры, осуждает действия России, якобы приведшие к нарушению территориальной целостности Грузии. Представляется, что усилия Турции в

отношении Грузии будут сконцентрированы на ускорении ее вступления в НАТО.

Отношения с Азербайджаном, характер которых можно выразить через известную стратегию «одна нация, два государства», также находятся в числе внешнеполитических приоритетов Турции. В последнее время турецкие официальные лица все чаще обращаются к вопросу разрешения нагорнокарабахского конфликта. Анкара открыто заявляет, что сделает все возможное, чтобы освободить оккупированные территории Азербайджана. Маловероятно, что Турция прямо вмешается в конфликт, скорее, она будет провоцировать его размораживание.

Прямолинейные действия Анкары на постсоветском пространстве могут стать причиной нестабильности в регионе, особенно на Южном Кавказе, который расценивается как сфера турецкого и российского геополитического влияния.

«Неоосманизм» в Северной Африке и странах Ближнего Востока

Политика Анкары в отношении арабских стран была обусловлена отсутствием выраженного лидера в регионе, желанием Турции стать проводником между Востоком и Западом, а также усилить экономическое сотрудничество и выразилась в активных действиях, направленных на политическую и экономическую сферы.

Стремясь к лидерству среди мусульманских стран региона, Турция осознанно пожертвовала своими отношениями с Израилем, которые уже в 90-е гг. достигли уровня стратегического партнерства.

Значительное ухудшение отношений с Израилем (противоположные позиции по вторжению США в Ирак, поддержка Турцией палестинцев и ХАМАС, инцидент с турецким судном «Мави Мармара» во время захвата Израилем «Флотилии свободы» в мае 2010 г.) можно рассматривать как попытку Турции расположить к себе ближневосточные страны, негативно относящиеся к Израилю и критикующие Турцию за сотрудничество с ним, и повысить свой статус в регионе.

Антиизраильская критика способствовала росту популярности Р. Эрдогана и самой Турции на Ближнем Востоке.

«Арабская весна» открыла перед Турцией новые возможности, связанные с формированием нового порядка в регионе и распространением собственной модели государства, сочетающей в себе элементы демократического и светского государства и умеренного ислама и положительно воспринимаемой Западом. В то же время политической задачей турецкого руководства стало не допустить «арабской весны» на своей территории.

Сближение Турции с исламским миром во время «арабской весны» продемонстрировало, что Анкара, поддержав совместно с западными странами протестные и оппозиционные движения в Египте, Ливии и Тунисе, преследует цели

■ Турция в мировой политике и экономике

сохранить союзнический характер отношений с Западом и продемонстрировать ему рост своего влияния в регионе. То есть, продвигая национальные интересы на Ближнем Востоке и в Северной Африке в этот период, Турция действовала сразу в двух направлениях: улучшение собственного имиджа в исламском мире и демонстрация растущей роли Турции во взаимоотношениях с арабскими странами [8, с. 132].

Однако развитие ситуации в Сирии выявило просчёты в стратегии Анкары.

После масштабных волнений в Сирии в 2011 г. Р. Эрдоган кардинально изменил позицию в отношении Дамаска, рассчитывая, что президент Б. Асад не продержится долго у власти, а Турция сможет повлиять на новую власть и, возможно, даже подчинить Сирию себе и реализовать свои территориальные претензии на ее северные регионы.

Фактически Анкара при поддержке Саудовской Аравии и Катара превратилась в главную опору сирийской вооружённой оппозиции. Тем не менее задача свергнуть режим Асада оказалась труднее, чем ожидалось. Интересы Турции в сирийском конфликте столкнулись с интересами России и Ирана, отношения с которым скорее сопернические, чем союзнические. Кроме того, конфликт в Сирии обострил проблему курдского сепаратизма и поставил Турцию на грань внутривосточного кризиса [12, с. 41].

Турция хочет иметь непосредственное влияние на послевоенную Сирию и не желает уступать лидирующую роль России или Ирану, поэтому не снижает активности в регионе, прикрываясь идеями защиты мирного населения (в том числе этнически близких туркоманов) и необходимостью решения проблемы сирийских беженцев, для которых Турция – коридор в Европу.

«Арабская весна» предоставила Турции неплохой шанс реализовать свои неоосманские амбиции. Однако возможность Турции стать ведущей региональной и мировой державой поставлена под сомнение непоследовательными действиями главы республики. Приняв решение сбить российский СУ-24, Р. Эрдоган совершил стратегическую ошибку и лишил себя поддержки со стороны союзников по НАТО, поскольку продемонстрировал, что его собственные амбиции и цели идут вразрез с идеями борьбы против ИГИЛ и создания антитеррористической коалиции.

В ближайшее время Турция будет являться фактором нестабильности на Ближнем Востоке, а выход из международной изоляции Ирана, сфера геополитических интересов которого также охватывает постсоветские республики Центральной Азии и Южного Кавказа и Ближний Восток, существенно осложнит неоосманские планы Эрдогана и ослабит геополитическое значение Турции в этих регионах.

«Мягкая сила» в турецкой концепции «неоосманства»

Одним из проявлений «мягкой силы» Турции в контексте неоосманства являются её

претензии на роль посредника в урегулировании конфликтов. Причём деятельность в этом направлении Турция ведёт и через участие в международных посреднических инициативах (например, «Альянс цивилизаций»), и при помощи собственных дипломатических усилий.

Дипломатическим успехом Анкары можно назвать подписание в 2010 г. Стамбульской декларации мира и стабильности на Балканах, результатом которой стало открытие в Белграде диппредставительства Боснии и Герцеговины [5, с. 23-24]. При посредничестве Анкары Сербия, Хорватия и Босния и Герцеговина проводили регулярные трёхсторонние встречи.

Но в то же время примером переоценки турецкой дипломатией собственных сил стали инициатива Турции по обогащению иранского урана на своей территории, посредничество между Сирией и Израилем по Голанским высотам. Относительно неудачными оказались попытки Турции подключиться к процессу арабо-израильского урегулирования в рамках «ближневосточного квартета». Благодаря усилиям Анкары в конце 2008 г. была достигнута договоренность о начале прямых переговоров, но Израиль прервал переговоры, начав операцию «Литой свинец» в секторе Газа.

Посреднические инициативы Турции на постсоветском пространстве касаются разрешения нагорнокарабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном – Турция является членом Минской группы ОБСЕ. Между тем, турецкое посредничество в этом вопросе ставится под сомнение из-за близости Турции и Азербайджана («одна нация, два государства»).

«Мягкая сила» стала важным инструментом для проникновения Турции вглубь африканского континента. Налаживая политическое, социальное и экономическое сотрудничество со странами Африки, Анкара, прежде всего, преследовала собственные цели по превращению в глобальную игрока. В частности, поддержка со стороны африканских государств представляла важность для Турции при избрании непостоянным членом Совета безопасности ООН на 2009-2010 гг. [16]. Миротворческие и посреднические инициативы, например, при урегулировании конфликта в Сомали, позволили Турции получить признание в регионе.

Примеряя на себя роль посредника, Анкара стремится повысить свой международный и региональный авторитет. Оказание помощи мусульманским народам используется ею для подтверждения и укрепления статуса Турции в качестве лидера исламского мира. В то же время, помимо политических целей, Турция преследует и экономические – расширение сферы деятельности турецкого бизнеса.

«Мягкая сила» Турции, реализуемая на религиозно-идеологическом, культурно-образовательном, экономическом и политическом уровнях, преследует стратегическую цель – сформировать в политических и деловых кругах кон-

кретной страны протурецкое лобби. Поэтому и в ближайшей перспективе Анкара для лоббирования собственных интересов будет стремиться к сохранению и расширению своего влияния через политические, культурно-идеологические и экономические институты.

* * *

Российско-турецкие отношения, до недавнего времени считавшиеся стабильными, несмотря на расхождение позиций по Сирии, после инцидента со сбитым российским военным самолётом переживают острый кризис.

Представляется, что нормализация отношений между двумя странами будет означать для Турции признание собственных внешнеполитических ошибок и смирение с утратой влияния в регионе, поэтому в ближайшее время со стороны Анкары, скорее всего, будет наблюдаться сопротивление России и Западу в вопросе борьбы с ИГИЛ и международным терроризмом в регионе. Тем не менее для восстановления диалога Россия вправе требовать от Турции скорректировать внешнюю политику так, чтобы не только извлекать выгоду от действий других акторов при решении глобальных вопросов, но и взять на себя часть ответственности.

Учитывая политику турецкого руководства после инцидента с российским самолетом, Турции уже нельзя рассматривать как союзника, поэтому введение Россией антитурецких санкций является адекватной и последовательной мерой.

Однако, поскольку в сферу интересов Турции входят страны постсоветского пространства и субъекты Российской Федерации с тюркоязычным или мусульманским населением, необходимо ограничивать и влияние турецкой «мягкой силы» в этих регионах.

Будущее претензий Турции на восстановление былого величия Османской империи в существующих геополитических реалиях поставлено под сомнение. Безусловно, Анкара не откажется от неоосманских амбиций, однако, вполне вероятно, что в их воплощении будет задействован силовой фактор, в частности против курдов в Сирии и Ирака под предлогом защиты территориальной целостности страны и борьбы с терроризмом.

Недавние события в Сирии продемонстрировали, что региональное влияние Турции, заметно возросшее после «арабской весны», постепенно снижается. К тому же политические просчеты Р. Эрдогана привели к ухудшению отношений Турции с такими глобальными акторами, как США, Евросоюз и Россия. Тем не менее Р. Эрдоган не оставляет свои неоосманские планы в отношении территории Сирии и свержения правительства Б. Асада, поддерживая террористов и применяя военную силу против курдов. Поэтому можно предположить, что в ближайшем будущем Турция будет представлять собой дестабилизирующий фактор на Ближнем Востоке.

Список литературы

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В. А. Аватков // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71-78.
2. Аватков В. Перекресток геополитических интересов России и Турции – Кавказ и Центральная Азия. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/24-04-09a.htm> (дата обращения: 01.12.2015).
3. Байкова Т. Анкара обещала не оставить Крым без присмотра / Т. Байкова // Известия. 2014. 5 марта. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/567061> (дата обращения 01.12.2015).
4. Все годы «дружбы» Турция вела подрывную деятельность внутри России. Режим доступа: <http://www.politrus.com/2015/12/12/russia-turkey-8/> (дата обращения 12.12.2015).
5. Глазова А. В. Политика Турции на Западных Балканах / А. В. Глазова // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2 (17). С. 22-34.
6. Дружиловский С. Б. Россия и Турция в новом тысячелетии / С. Б. Дружиловский, В. А. Аватков // Российско-турецкие отношения: 2002-2012 годы (материалы Круглого стола, г. Москва, 4 апреля 2013 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 11-20.
7. Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе / С. З. Жизнин, И. А. Гулиев // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 1. С. 241-247.
8. Кудряшова И. В. Турция: национальные интересы и имперскость / И. В. Кудряшова, В. В. Матюхин // Политическая наука. 2013. № 3. С. 117-136.
9. Малышева Д. Россия и Турция в Центральной Азии: партнерство или соперничество? Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5009#top-content (дата обращения: 01.12.2015).
10. Пруссаков В. Исламская мозаика / Валентин Пруссаков // Газета «Завтра». 2009. 2 декабря. № 49 (837). Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/2009-12-0253/> (дата обращения: 30.11.2015).
11. Турция обвинила Россию в нарушении территориальной целостности Грузии, Сирии и Украины. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2917071> (дата обращения: 16.02.2016).
12. Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН, 2012. 80 с.

■ Турция в мировой политике и экономике

13. Уразова Е. И. Экономическая активность Турции в Кавказско-Центральноазиатском регионе / Е. И. Уразова // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий: сборник статей. М.: 2010. С. 156-170.
14. Emel Parlar Dal & Emre Erşen (2014) Reassessing the "Turkish Model" in the Post-Cold War Era: A Role Theory Perspective, *Turkish Studies*, 15:2, 258-282, DOI: 10.1080/14683849.2014.926238.
15. Murat Yeşiltaş. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy, *Turkish Studies*. 2013, 14:4, 661-687, DOI: 10.1080/14683849.2013.862927.
16. Pinar Akpınar. Turkey's Peacebuilding in Somalia: The Limits of Humanitarian Diplomacy, *Turkish Studies*. 2013. 14:4, 735-757, DOI: 10.1080/14683849.2013.863448.

Об авторе

Мехдиев Эльнур Таджаддинович – научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО МИД России. E-mail: e.mehdiev@gmail.com.

"NEO-OTTOMANISM" IN THE REGIONAL POLICY OF TURKEY

E.T. Mehdiyev

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia. Russia, 119454, Moscow, Vernadskogo, 76.

Abstract: *The article is devoted to the ideology of Turkey's foreign policy. The term "neo-Ottomanism" is increasingly used in recent years in relation to the Turkish foreign policy. The concept of neo-Ottomanism, which ideology is the Prime Minister Davutoglu, implies a relationship of foreign policy of modern Turkey with the historical heritage of the Ottomans and its focus on return "last Ottoman"; taking into account today's realities. The author examines this phenomenon in the context of the regional policy of Turkey in this period. The main directions of the strategy of neo are the Middle East, North Africa, Central Asia, the Caucasus, the Crimea, and the Balkans. Particular attention is paid to manifestations of neo-Ottomanism in the post-Soviet region and the Middle East, as well as "soft power" strategy in the Turkish neo-Ottomanism. Activities of Ankara in the regions belonging to the sphere of its geopolitical interests is carried out on political, economic, religious, cultural and educational levels. Rapprochement with the political and business circles of influence of countries in the region is aimed at the formation of pro-Turkish lobby. "Arab Spring" has given Turkey a historic opportunity to realize its neo-Ottoman ambitions and create a new order in the Middle East. Turkey's rapprochement with the Islamic world during the 'Arab Spring' demonstrated that Ankara supported in conjunction with the Western nations protest and opposition movements in Egypt, Libya and Tunisia, aims to demonstrate to the West the growth of its influence in the region. Mediation is used in regional conflicts Turkish leadership as an instrument of "soft power", with which Ankara aims to increase its international and regional credibility. The result of "neo-Ottoman" Turkey's policy in relations with Russia became a serious crisis in all spheres of cooperation. Strategic mistakes made by the head of the republic R. Erdogan in the settlement of the Syrian crisis, may lead to instability of the entire region. The author considers the possible directions of neo-Ottoman Turkey's policy in the studied regions in the near future.*

Key words: Turkey, "neo-Ottomanism", regional policy, "soft power", the Turkish President, Pan-Turkism, "the Syrian crisis."

References

1. Avatkov V.A. Neo-Ottomanism. Basic Ideologem and Geostrategy of Turkey. Free Thought. 2014. № 3. Pp. 71-78. (In Russian).
2. Avatkov V.A. Crossroads geopolitical interests of Russia and Turkey - the Caucasus and Central Asia. Access: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/24-04-09a.htm> (reference date: 12.01.2015). (In Russian).
3. Baykova T. Ankara promised not to leave Crimea unattended. Izvestia. 2014 5 March. - Access: <http://izvestia.ru/news/567061> (reference date 12/01/2015). (In Russian)
4. All the years of "friendship" Turkey conducted subversive activities inside Russia. Access: <http://www.politrus.com/2015/12/12/russia-turkey-8/> (reference date 12/12/2015).
5. Glazov A.V. Turkey's policy in the Western Balkans. Problems of National Strategy. 2013. 2 (17). Pp. 22-34. (In Russian)

6. Druzhilovsky S.B. Russia and Turkey in the new millennium. Russian-Turkish relations: 2002-2012 (Materials of the Round Table, Moscow, April 4, 2013). Moscow: MGIMO-University, 2013. Pp 11-20. (In Russian)
7. Zhiznin S.Z. energy diplomacy in the Caspian Region. Bulletin of the University of MGIMO. 2012. № 1. Pp. 241-247. (In Russian)
8. Kudryashov I.V. Turkey's national interests and imperial. Political science. 2013. № 3. Pp. 117-136. (In Russian)
9. Malyshev D. Russia and Turkey in Central Asia: partnership or rivalry? URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5009#top-content (reference date: 12.01.2015). (In Russian)
10. Prussians V. Islamic mosaic. Newspaper "Tomorrow". 2009 December. 2. № 49 (837). Access: <http://zavtra.ru/content/view/2009-12-0253/> (reference date: 30.11.2015). (In Russian)
11. Turkey has accused Russia of violating the territorial integrity of Georgia, Syria and Ukraine. Access: <http://www.kommersant.ru/doc/2917071> (reference date: 16.02.2016). (In Russian)
12. Turkey: a new role in the world today. Moscow.: CSA RAN, 2012. 80 p. (In Russian)
13. Urazova EI Economic activity in Turkey in the Caucasus and Central Asia / EI Urazova. Turkey in the face of new internal and external realities: a collection of articles. Moscow: 2010. Pp. 156-170. (In Russian)
14. Emel Parlar Dal & Emre Erşen. Reassessing the "Turkish Model" in the Post-Cold War Era: A Role Theory Perspective, Turkish Studies. 2014. Vol. 15, no. 2. Pp. 258-282, DOI: 10.1080 / 14683849.2014.926238.
15. Murat Yeşiltaş. The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy. Turkish Studies. 2013. Vol. 14, no. 4. Pp. 661-687, DOI: 10.1080 / 14683849.2013.862927.
16. Pinar Akpınar. Turkey's Peacebuilding in Somalia: The Limits of Humanitarian Diplomacy, Turkish Studies. 2013 14: 4, 735-757, DOI: 10.1080 / 14683849.2013.863448.

About the author

Elnur Mehdiyev Tadzhammadinovich –fellow at the Center Post-Soviet Studies IMI MGIMO Russia.
E-mail: e.mehdiev@gmail.com.